

«ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ПРАВНУКУ...»

**Лев Никитич
Пушкарёв,**
*профессор,
доктор исторических
наук*

Я сдавал экзамены за третий курс филологического факультета педагогического института, когда началась война. Узнав о призыве к комсомольцам встать на защиту страны, решил, что не стану пользоваться бронью, как тогда именовали отсрочку от призыва. Её тогда давали всем столичным студентам, чьи учебные заведения эвакуировали, и многие из моих товарищей уехали из Москвы доучиваться.

В те годы тоже было немало тех, кто добивался «брони» по знакомству. Я не обсуждал тогда, правы или не правы те, кто выбирал для себя и своих близких более безопасный жизненный вариант. Для меня вопроса не было. Я вступил добровольцем в Третью Коммунистическую дивизию города Москвы, и в октябре 1941 г. наша часть встала на защиту Москвы.

Москва в те годы была совсем другой, и моему правнуку трудно сегодня представить, что на Ленинградском шоссе, в районе станции метро «Войковская», уже была прифронтовая полоса.

Троллейбусы от Кремля ходили по Тверской (тогда — улице Горького) как раз до дома номер 8 по «Ленинградке» — большого серого дома, из тех, куда селили важных лиц. Такие дома ныне зовут «сталинки». Там располагался штаб нашей дивизии. Последняя остановка шестого троллейбуса так и называлась: «Фронт». Рядом, где сейчас жилые кварталы, школы и магазины, тянулись земли и огороды подмосковного колхоза, снабжавшего Москву овощами. Шоссеинный мост на том месте много раз перестраивался, да и сейчас там идёт строительство подземных развязок. А железнодорожный мост стоит и поныне на прежнем месте (уже после войны на въезде к нему поставили в память о тех, кто отправился на фронты Отечественной войны, юношескую и девичью фигуры воинов-добровольцев).

Там, где когда-то выращивались картофель, капуста и другие овощи для москвичей (а сейчас стоят дома, примыкающие к улице Зои и Александра Космодемьянских), нам был дан приказ вырыть землянки и окопы. Фашисты

приближались быстро, об этом знали все, хотя в газетах старались не сеять паники. Боевой задачей, поставленной перед необстрелянными воинами-добровольцами, вроде меня, была защита моста через канал «Москва-Волга» и железнодорожного моста Октябрьской железной дороги у станции Левобережная (теперь туда ездит молодёжь в зал диссертаций Российской государственной библиотеки).

Такие же, как я, добровольцы готовились к возможному танковому прорыву фашистов и на других подступах к столице, но на нашем направлении и угроза стремительного появления врага была очевидной. Вот почему у моста через канал располагался взвод истребителей танков с собаками-«смертницами», натренированными на подрыв боевых машин. На спины собакам прикреплялась противотанковые мины со штыревыми взрывателями. При приближении танков собак выпускали: они были обучены пробегать между гусеницами танков. Штыри мин соприкасались с днищем машин, и мины срабатывали.

На фронте я узнал, что основное противотанковое оружие для таких добровольцев, как я, — обычная бутылка с зажигательной семью. Они были нужны позарез, а где найти ненужные бутылки в почти опустевшей Москве? Уже были эвакуированы многие предприятия, все крупные учебные заведения, управленческие структуры общего масштаба... А бутылки нужно было заполучить во что бы то ни стало. «Что делать будем, боец Пушкарёв?» — спросил батальонный комиссар.

Подумав, я предложил обратиться за помощью к подросткам, оставшимся в столице. Ведь многие школы продолжали работать даже в эти тревожные дни. Школьники дежурили ночами и вечерами на крышах московских домов и сбрасывали вниз зажигательные бомбы: спасали людей и их имущество во время бомбардировок. Все были полны решимости хоть чем-то помочь фронту.

Вот почему я был отправлен с поручением на противоположный конец Москвы — в Бауманский районный комитет ВЛКСМ, где по моей просьбе собрали пионервожатых нескольких школ. «Ребята, помогите фронту! Кто лучше вас знает, где можно найти брошенные бутылки? Нам нужны только большие, их наполняют горючим материалом, и... пусть их танки горят синим пламенем! Не отдадим фашистам столицу. Смерть немецким оккупантам!» Мне не вспомнить уже тех точных слов, что я говорил, но не забыть той решимости, с которой ребята, пионеры, откликнулись на эту просьбу.

Они обшаривали подвалы и чердаки, группы ребят просматривали кусты и пустоши в округе, закоулки и за несколько дней набрали два грузовика пустой стеклянной тары (как тогда говорили, «две полторки», поскольку обычный вес, который мог взять грузовик в то время, равнялся полутора тоннам). Каких только бутылок там не было! До сих пор перед глазами изумительной красоты гранёные штофы и полштофы императорских заводов, узорные бутылки из-под «Спотыкача» и «Рябиновки», которыми славилось водочное производство незадолго до войны, тяжёлые бутылки из-под шампанского, литровки из-под минералки — такие делались только до войны, зелёные, не слишком скользкие, бойцы ценили их за необыкновенную «ухватистость»...

Запомнились привязанные ребятами записки к тем бутылкам, я их даже пытался сохранить (всё-таки на фронт я попал почти дипломированным специалистом по фольклору, и понимал, что всякое живое слово нужно уметь сохранить и передать тем, кто будет после нас). Пытался сохранить, да не удалось. Так что тексты записок могу привести лишь по памяти: «Как танк ни дребезжит, а от этого сторит!», «Кто с огнём ходит, того и смерть обходит!», «Как Гитлер ни хвалится, а под Москвой завалится!», «Московская сила — фашисту могила!», «Для берлинского танка — московская запеканка» (так странно называлась популярная довоенная наливка).

Ребят, которые вместе со мной сопровождали грузовики с бутылками, у нас в штабе накормили гречневой кашей, для фронта тогда старались ничего не жалеть, кормили бойцов и мясом — а московская ребятня уже была полуголодная. Помню, дал поддержать им в руках настоящее боевое оружие, да и отправил домой с благодарностью.

А вскоре наша часть, влившись во Второй Белорусский фронт, отправилась на передовую. Мы с боями прошли сначала Калининскую (теперь Тверскую) область, освобождали «от немца» Белоруссию, Прибалтику, прошли Восточную Пруссию. Я завершил свой боевой путь под Штеттином, на берегу Балтийского моря.

На всех фронтах мне часто приходилось общаться с бойцами, ловко, точно и бесстрашно «ходившими» с зажигательными бутылками против танков. Я тогда и не знал, что такие бутылки впервые использовали финны против советских танков: у Финляндии не было своего противотанкового оружия, и они забрасывали советские танки, осуществившие прорыв границы, бутылками, наполненными смесью керосина, смолы и бензина. Говорят, именно оттуда пошло название таких бутылок — «коктейль для Молотова», потому что именно нарком иностранных дел В.М. Молотов олицетворял для финнов внешнюю политику СССР, принявшего решение отодвинуть границы страны накануне войны с фашистами.

Я не помню, чтобы мы с самого начала связывали название бутылок с зажигательной смесью именно с именем сталинского наркома. Казалось, такие бутылки известны ровно столько же, сколько существуют танки. Помнившие события испанской войны 1936 года утверждали, что такие «коктейли» использовались и там... Наилучший результат получался, как нас учили тогда, если удавалось подпустить к окопу противника на расстояние 10—15 метров. Бросать бутылку надо было умеючи, едва загорится фитиль, поскольку секундная задержка могла стоить жизни, и боец сам превращался в живой факел.

Мы были молоды, бесшабашны, и особо удачливые из бойцов бесстрашно забрасывали эти бутылки на наиболее уязвимые части немецких

ШКОЛА СРАЖАЕТСЯ

танков — на корму, на заднюю часть, в моторный отсек. Использовались бутылки и при поражении дотов и дзотов. Когда мы шли через Белоруссию, я видел, что теми же бутылками снабжают и партизан.... А мне почему-то всё время вспоминался тот сбор бутылок для «зажигательной смеси» в напряжённой прифронтовой Москве.

Сколько видел я «детей войны»... Они работали в глубоком тылу на военных заводах, трудились наравне со взрослыми в совхозах и колхозах, рано выросли и старались всеми силами помочь одолеть напавшего на нашу страну врага. Помнятся и «дети полка» — сбежавшие на фронт, работавшие там разведчиками, связистами, сапитарами. Сбор бутылок был их сильной и такой желанной помощью фронту! И сейчас, когда я читаю о том, что экологи привлекают детей и молодёжь к сбору стеклянных и пластмассовых бутылок, захламляющих наши лесные массивы, мне сразу же вспоминается прифронтовая Москва.

Заканчивая эти воспоминания в дни приближения 65-летия нашей славной Победы, мне хотелось бы ещё раз подчеркнуть: наша страна победила тогда благодаря исключительно по силе чувству братства и единства фронта и тыла. В той героической победе есть не только вклад регулярной армии, не только добровольцев, не только женщин, вынесших на своих плечах все тяготы войны, но и тех, кто были тогда детьми. Это они участвовали потом в восстановлении разрушенного войной хозяйства, это они потом жадно и увлечённо учились, навёрстывая упущенное за четыре долгих года войны. И это они способствовали превращению нашего государства в одного из лидеров освоения космического пространства. Быть отзывчивыми к просьбам других, быть готовыми подставить плечо, быть самоотверженными и надёжными товарищами их — на всю жизнь — научила война. **НО**